

Экономическая теория

Валерий ГЕЕЦ

**МОДЕРНИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ
«ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО – ЭКОНОМИКА»**

Резюме

Проанализировано общее и спорное в обществе, государстве и экономике на пути модернизационных преобразований и в соответствии с этим определена роль лично-человеческого фактора в их трансформации. Раскрыто влияние глобализации на развитие страны во взаимодействии мирового и национального. Обоснована роль государства в единстве общественного и личного, его способности к организации и реализации процесса использования ресурсов и накопления знаний, в объединении морали и разума, в чем нельзя обойтись без эффективного государственного и общественного контроля над процессами модернизации. Проанализированы настроения населения относительно отдельных составляющих общественного устройства Украины.

Ключевые слова

Модернизационные преобразования, национальные государства, постмодернизационная модель, общественное сознание, знания, разум, нрав-

---

© Валерий Геец, 2014.

Геец Валерий, докт. экон. наук, профессор, академик НАН Украины, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины.

ственность, человеческий капитал, социальное государство, степень государственного присутствия, государственный и общественный контроль.

Классификация по JEL: A13, P20.

Часть 1.

Замечания к методологии модернизационных преобразований

Модернизация как феноменальный процесс преобразований в обществе, государстве и экономике в своей этимологической основе восходит, как известно, к термину «модерн», означающему «современность», а в качестве главенствующего и действенного его значения тождественен осовремениванию этих преобразований. Формирование нынешнего состояния общества, согласно видению отцов-основателей теории модернизации, среди которых – У. Ростоу и Ш. Эйзенштадт, характеризуется восхождением от его традиционного уклада к современному – с капиталистической системой хозяйствования на фоне значительной социальной дифференциации общества вследствие вопиющего и все увеличивающегося неравенства в распределении богатства, формированием высокой степени коммуникативности, основополагающим и непрерывным характером развития науки и образования, позволяющим за счет технологических и социальных инноваций во всех сферах общественной, государственной и экономической жизнедеятельности преодолевать естественно существующую во многих странах традиционность при одновременном, хотя и не всегда успешном, стремлении к сохранению и развитию культурных различий. Тем самым обеспечивается исторически непрерывный процесс модернизации общественных трансформаций от до-современности к пост-современности, основные черты которой для нашего времени обоснованы И. Валлерстайном.

В классическом представлении теории модернизации смысл модернизационных преобразований в экономике соответствует деятельности хозяйственной системы, основывающейся на доминанте победивших в глобальном измерении как более эффективных в долгосрочном отношении капиталистических форм хозяйствования. Основопологающей чертой последних являются рыночные отношения, также приобретшие глобальный характер и преимущественно охватившие не только экономику и финансы, но и

весьма часто социальную сферу. Одновременно имеют место процессы формирования глобальных региональных объединений государств при ограничении полномочий национального государства на фоне усиления трансконтинентального влияния корпораций с уклоном в снижение уровня конкуренции, а также увеличение их влияния на политику правительств этих национальных государств. И если региональные объединения ограничивают власть национальных государств с одной стороны, то со второй – власть национальных правительств ограничивает трансконтинентализация. При этом властные полномочия национальных государств в современном обществе и экономике ограничены и с третьей стороны – путем повышения степени коммуникативности в общественной и экономической жизнедеятельности в силу формирования широкой общественной аудитории граждан, участвующих в функционировании глобальных сетей, которые позволяют генерировать и обмениваться информацией и расширять возможности непосредственной и опосредованной мобильности населения, что принципиально изменяет модернизационные проекты в современном обществе, государстве и экономике, преобразуя их смысл в связи с тем, что традиционные культурные и поведенческие ценностные ориентации подвергаются более активному и агрессивному экзогенному влиянию по сравнению с эндогенной природой традиционных ценностей. Существовавшие механизмы их традиционной передачи, в свою очередь, разрушаются теми же глобальными сетями в силу «...подчас даже патологического смещения реального и виртуального миров в сознании человека, попавшего в сетевую зависимость. Психиатры всего мира осознают эту поистине глобальную незримую опасность «мягкой» умственной и социальной деградации сотен миллионов людей, по своим последствиям связанной с разрушением мозга, сравнимую с наркологической зависимостью...»¹.

На фоне такого рода трансформаций, реализуя под воздействием электронных изобретений постмодернизационную модель развития общества постиндустриального характера, «в эпоху глобального перехода к новой цивилизации (характеризующуюся в том числе и появлением синтезированных форм органической жизни с пока не ясными последствиями для их естественных форм. – В. Г.) очень важно не растерять интеллектуальный и психический потенциал, накопленный миллионами лет биологической эволюции и тысячелетиями истории человечества. Он очень понадобится в условиях масштабности и слабой предсказуемости грядущих перемен...»², которые, как бы ни назывались, в своей сущности будут сродни процессам осовременивания жизни и общества, и государства, и экономики, то есть, иными словами, в очередной раз модернизироваться.

¹ Андреев И., Назарова Л. Электронная западня. Реальные рисунки виртуального мира // Свободная мысль. – 2014. – № 1. – С. 121.

² Там же. – С. 126.

В настоящее время современное общество на пути модернизации оказывается таким, которое не управляет рынком и корпорациями, поскольку «...в рыночной экономике организации, представляющие определенный интерес, действуют рентоискательскими методами, то есть извлекая выгоду для своих членов из общества в целом, не предлагая ничего взамен... От такого поведения они будут воздерживаться лишь в том случае, если в данном обществе членство в них настолько распространено..., что они вынуждены брать на себя любые отрицательные экстерналии собственных действий»³. К. Крауч обращал внимание, что успех в борьбе за воздержание от получения дополнительной прибыли за счет нарушения интересов общества обеспечивался государством, на территории которого функционировали те или иные организации. В современном транснационализированном мире «...та роль, которую гигантские фирмы способны (и это реально имеет место быть. – В. Г.) играть в глобальной экономике, делает их чрезвычайно мощными лобби, угрожающими равновесию одновременно демократии и плюрализма»⁴. Особенно это проявляется в бедных странах со слабыми и весьма часто несостоявшимися государствами ибо «...представители современных ТНК находятся не в лобби, ..., они ... сидят внутри того помещения, где эти решения принимаются. Они определяют стандарты, устанавливают частные регулирующие системы, работают консультантами правительств, а их сотрудники даже занимают посты заместителей министров»⁵. Последнее служит примером того, как корпоративизм устанавливает контроль над государством, деморализуя его, а общество при этом, соглашаясь с демократическим избранием власти, вместе с тем попадает под управление корпоративно организованных рынков, которые, по сути, занимают политическую деятельность, что является одним из серьезных провалов рынка и государства одновременно. Тем самым смысл модернизации переформатируется в направлении, когда поведение человека в обществе потребления противоречит его положительным изменениям. При этом наиболее важно, что удовлетворение общественных потребностей, как не имеющих индивидуализированного наполнения, осуществляется во вторую очередь. А это – одно из важнейших условий одновременного обеспечения модернизации общества и экономики, ибо от уровня их удовлетворения зависит состояние дел и в обществе, и в государстве, и в экономике, поскольку теряются, согласно Ф. Бастиа, так называемые «способности коллективного совершенствования». В этом отношении Ф. Бастиа отмечал, что «...если бы союз всех индивидуальных совершенствований, особенно у людей, умеющих передавать свои приобретения в знаниях, опыте другим людям, не гарантировал способности коллективного совершенствования, то пришлось бы отказаться от всякой философии, от всякой науки о морали и

³ Колин Крауч. Странная не-смерть неолиберализма. – М. : Изд. дом «Дело», 2012. – С. 194.

⁴ Там же. – С. 198.

⁵ Там же. – С. 198.

политике. Человек совершенствуется благодаря своему уму, своей способности переходить от ошибки, этой материи зла, к истине, этой накопительнице добра»⁶. И все это, по мнению Ф. Бастиа, осуществляется благодаря науке и опыту.

Весьма часто считается, что государство как институт в целом или как совокупность институализированных норм и организаций в конечном итоге является воплощением силы воли, в то время как такое свойство государства, как «образованность», – результат экзогенных форм его заимствований от людей, выступающих держателями и носителями разума, который обладает способностью накапливаться в сознании и людей, и общества в целом, тем самым формируя общественное сознание.

Таким образом, реализуется процесс индивидуального самосовершенствования и саморазвития, который происходит, потому что «Человек сначала переходит в своем сознании от ошибки к истине, а затем в своем поведении от зла к добру, благодаря науке и опыту, благодаря открытию неизвестных ему ранее эффектов в тех или иных феноменах и в его собственных действиях»⁷. Собственно, с этим утверждением трудно не согласиться, ибо зло любого уровня, порождающее противостояния, войны и жертвы, в конце концов заканчивается миром, в процессе формирования и заключения которого осознаются ошибки прошлого и идет поиск истины, позволяющий осуществлять процесс накопления добра. Таким образом осуществляется процесс сочетания добродетельности и разума, и не только в силу самосовершенствования, но и благодаря государству. «Рост государства всеобщего благосостояния привел к тому, что некоторые профессиональные услуги – в основном в сфере образования и здравоохранения – были перенесены в государственный сектор, где стали доступными для большинства населения, и присоединились к различным государственным службам»⁸. Тем самым, благодаря государству и его способности к организации и реализации процесса накопления знаний капитал из диалектического отрицания в качестве инструмента принуждения и эксплуатации труда превращается в человеческий капитал, который во многих странах по масштабам имеет значительно более высокую накопленную стоимость, чем физический, который к тому же, вследствие кризисов, обладает способностью терять свою цену и во времени, и в пространстве.

В процессе накопления человеческого капитала на индивидуальной основе вполне оправданно существование положения, когда, согласно Шиллеру, индивид может и является носителем склонности к благоразумному поведению, но в случае его попадания в толпу подобное поведение превращает индивида в глупца, не способного вести себя благоразумно.

⁶ Бастиа Ф. Экономические гармонии. – М. : Эксмо, 2007. – С. 415.

⁷ Там же. – С. 415.

⁸ Колин Крауч. Странная не-смерть неолиберализма. – С. 134.

Можно утверждать, что во избежание последнего общество и государство должны основываться в своей модернизации на интересах носителя – отдельного человека, живущего в данном обществе и функционирующего в данном государстве. Тем самым достигается органическое единство общественного и личного интереса, поскольку, согласно утверждению П. Флоренского, «если разум не причастен бытию, то и бытие не причастно разуму, то есть алогично. Тогда неизбежен иллюзионизм и всяческий нигилизм, кончающийся дряблым и жалким скептицизмом. Единственный выход из этого болота относительности и условности – признание разума причастным бытию и бытия причастным разумности»⁹. При этом, «что бы мы ни думали о человеческом разуме, но для нас загодя есть возможность утверждать, что он – орган человека, его живая деятельность, его реальная сила»¹⁰. И благодаря разуму познание есть «живое нравственное общение личностей, из которых каждая для каждой служит и объектом, и субъектом. В собственном смысле познаваема только личность и только личностью. Другими словами, существенное познание, разумеемое как акт познающего субъекта, и существенная истина, разумеемая как познаваемый реальный объект, – обе они – одно и то же реально, хотя и различаются в отвлеченном рассудке»¹¹.

Исходя из приведенных выше утверждений, осуществление познающим субъектом акта познания на основе естественного владения своим разумом, есть его познавательная деятельность, являющаяся реальной силой, которая тождественна производительной силе труда человека, ибо, как уже отмечалось, «разум причастен к бытию и бытие причастно к разумности». Вследствие такой взаимосвязи в обществе формируется общественное сознание, в свою очередь, развивающееся под влиянием познавательной деятельности людей, живущих в обществе, являющимся частью естественной природы и сформировавшем государство, выражающие интересы всего народа путем реализации его политической воли. В этом случае государству присущи нравственность, образованность и разум, ибо последний, как говорилось выше, причастен к бытию и бытие причастно к разумности не только как орган человека, но и в силу его живой деятельности. В действительности такая взаимосвязь весьма реалистична, ибо государство, как правило, выражает волю и интересы господствующего класса. В этом контексте важно рассмотреть, – сохраняя методический подход, а также учитывая, что, помимо общества и государства, есть третий по важности феномен, такой как экономика, вместе с обществом и государством пребы-

⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – М. : Ред. Golden-Ship.ru, 2013. – С. 38–39.

¹⁰ Там же. – С. 39.

¹¹ Там же. – С. 39.

вающая в феноменологическом взаимодействии и развитии¹², – проблему разума, образованности и соответственно нравственности государства в контексте соотношения сил и действия капитала (рынка), государства и знания, являющегося результатом познания на основе реализации деятельности разума человека вследствие его живой деятельности. Процесс воссоединения всех трех субъектов, о которых шла речь выше, в частности капитала, государства и знания как продукта деятельности человеческого разума, то есть креативного характера труда, осуществляется в непротиворечивом взаимодействии, если имеет место превращение креативных способностей человека, в том числе познавательных, воспроизводящихся в новых знаниях из средств увеличения прибыли в экономике, в капитальную цель диалектического самоотрицания капитала и преобразование его в социальный, человеческий капитал, предполагающий развитие человека и его креативных способностей к живой деятельности, в результате чего повышается реальная производительная сила труда.

Знания как производительная сила труда накапливаются человечеством, а наиболее эффективно концентрируются в целях развития как общества, так и экономики – из-за их неорганизованности и спонтанности, – согласно позиции Ф. Хайека, рыночными силами, конкурирующими между собой. Вместе с тем Ф. Хайек считает, что как общественная деятельность, так и экономическое взаимодействие рыночных сил не исключают «умственного» начала взаимодействия тех же рыночных субъектов¹³, однако сам Ф. Хайек всегда оставался на юмовских позициях второстепенности разума¹⁴, что позволяло ему отрицать «умственное» начало взаимодействия со всеми вытекающими отсюда последствиями для формирования управленческой парадигмы, в первую очередь в экономике. Ошибочность позиции относительно ограниченности творческой силы разума была доказана еще в конце XIX ст. У. Джеймсоном в работе, посвященной научным основам психологии¹⁵.

В контексте философии Ф. Хайека речь идет об управленческом аспекте использования ресурса знаний в целях модернизации исключительно в границах рынка и рыночных отношений. Ресурс знаний, как известно, имеет многомерное значение, в том числе и такое, что знание – это и сила, и, в то же время, власть, которая может быть как демократической, так и авторитарной, и каждая из них может своеобразно и использовать знания, и влиять на их формирование как ресурса развития, который невозможно реализовать, находясь в рамках трактования силы разума Юмом, разума,

¹² Геец В. М. Общество, государство, экономика: феноменология взаимодействия и развития. – Изд. 2, доп. и переработ. – М. : Экономика, 2014. – 631 с.

¹³ См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М. : Catallaxy, 1992. – С. 18.

¹⁴ Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М. : Прогресс, 1995. – 75 с.

¹⁵ Джеймсон У. Научные основы психологии. – Минск : Харвест, 2008. – С. 387.

способного только соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать материал. Однако в управленческом контексте осуществления модернизации Дж. Милль – не менее известный авторитет относительно обоснования доминирующей роли как демократии, так и рыночных сил, основывающихся на индивидуализации деятельности участников рынка, исходил из того, что «...первым элементом хорошего управления являются нравственность и разум людей, составляющих общество, наиболее важное дело, где должно проявиться выдающееся мастерство, которым может владеть любая форма правления, – это сотрудничество в развитии нравственности и разума самих людей»¹⁶. Тем самым Дж. Милль, не отвергая эффективного действия рыночных сил, а поддерживая их и не будучи апологетом социалистического устройства системы управления, против которой выступал Ф. Хайек, не стал, подобно Ф. Хайеку, выступать исключительно за ту ее эффективную форму, которая определяется рыночными силами, а склонялся к той, где в качестве ее начала выступает умственная деятельность людей и их нравственные отношения, в противовес эгоистичному поведению, основывающемуся на индивидуально организованном сотрудничестве, которое, как хорошо известно, в условиях рынка имеет как рациональное, так и иррациональное измерения. При этом, в условиях кризиса, являющихся обычным явлением в условиях рынка, иррациональность поведения субъектов рынка резко возрастает, что приводит к повышению роли государства. Особенно это важно, если учесть, что государство А. Смита – результат общественного договора, а поэтому призвано стоять на страже общественной нравственности, для чего должно способствовать и в реальности во многом способствует развитию науки, просвещения и культуры.

Как видим, и у основоположников либеральной демократии знания рассматриваются как категория содержательного характера, от уровня накопления и овладения которыми в обществе зависит увеличение возможностей производительной силы труда человека, независимо от существующих форм правления, если для них характерна нравственность (на что указывает Дж. Милль), а не только рыночный эгоизм, который реализуется, в том числе, и иррациональным путем. Таким образом, если, согласно Ф. Хайеку, в деятельности людей на первом месте стоит умственное взаимодействие, которое наиболее эффективно благодаря рыночным силам, то, согласно Дж. Миллю, первым элементом хорошего управления есть сотрудничество разума людей в органичном соединении с их нравственностью. В результате одновременное объединение и проявление в форме правления как нравственности, так и разума людей в сегодняшней трактовке возможны при условии «просвещенности» той формы управления, которая доминирует в том или ином случае.

¹⁶ Mill J. S. Consideration on Representative Government. – London : Parker, Son, and Bourn, 1861. – P. 12.

В итоге из вышесказанного следует, что если для Ф. Хайека ключевую роль в осуществлении управленческих действий играют рыночные силы, то для Дж. Милля эффективно может использоваться любая форма правления, где имеет место сотрудничество на началах нравственности и разума, что должно быть свойственно любой форме правления, где они присутствуют и тем самым формируют ее этикоцентристские начала, к сожалению, не получившие должного развития в реальной практике, в которой стали доминировать эгоистически организованные отношения, весьма часто порождающие самые разнообразные кризисы, и последний кризис глобального характера, имеющий системный характер, является доказательством этого. Последнее утверждение, по моему мнению, является более выразительным и эффективным с позиции результативности, поскольку рыночные силы в их доминирующем использовании в современных условиях довольно часто доведены до абсурда, то есть иррациональности, поэтому «...капитал добывается путем замещения и уничтожения реальной экономики ...обогащение приводит к сбоям финансовой системы реального сектора экономики, что в свою очередь приводит к большому накоплению собственности, ...поскольку основные политические меры в сфере экономики (читай также: в сфере управления ею, о чем шла речь выше. – В. Г.) действительно поддерживают этот процесс»¹⁷. Это означает, что именно форме правления в первую очередь должны быть присущи сосуществование и сотрудничество на основе нравственности и разума людей, которые, собственно, и заняты деятельностью относительно осуществления управленческих действий в той их форме, которая играет доминирующую роль и которая должна стать выбором благодаря собственно умственной деятельности людей, объединенных в общество в результате выделения из природной среды и объединенных в институт государства в результате сознательного выбора и на основе знаний, которыми они владеют. То есть, если речь идет о модернизации государства, то и ему прежде всего должна быть присуща «образованность», в силу которой нравственность и разум соединяются в людях, реализующих властные полномочия. Вместе с тем, государству как таковому образованность не присуща, ибо это не его парафия, а его парафия – воля и власть, и образованностью оно питается не из себя, а извне. Поэтому «образованность» государство не обеспечивает само по себе путем соединения нравственности и разума. Этот процесс имеет другой характер в силу того, что нравственность как таковая сопряжена с чувственно сознательным и невербально-генетическим слоем человеческой психики, и, следовательно, с системой неформальных институтов, а мораль – с вербально-теоретическим слоем и, соответственно, с доктринальными институтами. Очевидно, одним из важнейших направлений модернизации государства является именно адекватная формализация неформальных институтов, то есть приведение государственного законодательства, права, морали в со-

¹⁷ Деривативы уничтожают реальную экономику [Электронный ресурс] / Mixednews. – 14.11.2013. – Режим доступа: <http://mixednews.ru/archives/44097>.

ответствие с базовыми нравственными императивами общества, а также подчинение морали «верхов» моральным нормам большинства граждан. Собственно, в этом контексте важно исходить из того, что ответственность за нравственность прежде всего несет государство, как институт, который действует с позиции силы закона в целом и силы власти как таковой, а также силы знаний и несет ее как перед людьми, сделавшими свой выбор в его пользу, так и перед хозяйствующими субъектами, поскольку именно экономическая деятельность осуществляется в организационно-правовых нормах, институционально-обусловленных и социально признанных в каждый конкретный период в соответствии с нравственными императивами общества, в которых образовано государство, являющееся действительностью нравственной идеи, его нравственным духом¹⁸. Государство, стоя на страже общественной нравственности, содействует активизации и непосредственно участвует в формировании и поддержке умственной деятельности людей через науку и образование. Таким путем оно обеспечивает выполнение функций, благодаря которым имеет место его как экономическая, так и общественная институциональная обусловленность, в том числе и в сфере обеспечения модернизации. Не случайно в этом контексте независимость от системы управления успешностью процесса естественного познания развития воспринимается на основе объединения чувственного (нравственного) и естественного способов получения знаний об окружающем материальном и духовном мирах, благодаря технологическим достижениям материального мира и социальным инновациям, которые, как правило, объединяясь между собой, повышают производительную силу труда.

Государственная активность и ограничение произвола государства, представляющего интересы господствующего класса, а на более ранней стадии – абсолютной власти монарха или господствующего класса, в том числе и путем деспотизма, во все времена является одной из важнейших задач. Неслучайно именно по этой причине моральная философия А. Смита¹⁹, которую Дж. Милль, в сущности, углубил выводом о необходимости сочетания нравственности и разума для любой системы управления наряду с рыночной средой, обусловленной функционально налаженным порядком, является результатом, в первую очередь, государственной деятельности, которая, кроме того, направлена и на обеспечение удовлетворения общественных потребностей, степень достижения коих служит мерой в том числе нравственности и разума любой системы управления.

Опираясь на накопленные знания, индивид, с одной стороны, выстраивает рациональное поведение в отношении достижения целей, но не может и не должен переступить моральную грань, за которой целевое устремление к получению выгоды и накоплению богатства максимизируется,

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.

¹⁹ Смит А. Теория нравственных чувств. – М. : Республика, 1997. – 352 с.

так как «...возможность побеждать сильнейшее стремление себялюбия: более могущественная сила, более побудительные мотивы действуют в подобных случаях. Этой силой является ум, наша совесть, наш собственный наблюдатель в нашей душе, человек внутри нас, большой судья и ценитель нашего поведения»²⁰.

Как видим, у А. Смита разум лежит в основе утверждения о поведенческих проявлениях индивида в борьбе с его эгоистическими проявлениями. В трактовке А. Смита разум – это результат образованности, трансформирующейся из «просвещенного деспотизма» в «социально организованное рыночное хозяйство» на началах свободы и демократии, в котором дело дошло до признания необходимости решения проблемы социального неравенства и предоставления общественно значимых услуг и товаров, в том числе и путем существующей пользы от смитовского государства, которое обеспечивает или способствует развитию науки и образования. В результате этого и обществу, и государству, и индивиду очевидна польза от того, что знание выступает тем общественным товаром, за предложение которого в большинстве случаев отвечает государство, – если не полностью, то во взаимодействии с частными инициативами и частными расходами на образование и науку. История знает огромное количество примеров, когда благодаря активности государства удавалось достичь прорывов в технике и технологии, а рынок смог использовать их в целях получения прибыли только по истечении достаточно длительного периода времени. В этом заложено глубокое содержание социализации (читай также – модернизации), современной общественной и экономической жизни, как в государственном, так и в индивидуальном смысле, что является основой нравственности и разума людей на пути к миллевскому пониманию хорошего управления, где на определенном этапе играл роль «просвещенный деспотизм», а в современных реалиях это «просвещенное государство», которое должно решать дилемму современной социализации во всех ее проявлениях, поскольку «...в мире ... происходят эпохальные изменения. Экономические модели роста, геополитическая картина мира, социальные договоренности, связывающие людей вместе, и экосистема нашей планеты – все одновременно подвержены радикальным преобразованиям, которые вызывают тревогу и беспорядки во многих странах мира... в конечном счете, путь к стойкому росту нуждается не только в новой политике, но и в новом образе мышления»²¹, а это означает, что без миллевских нравственности и разума успешное будущее сомнительно, ибо современный рынок в глобальном масштабе углубляет первенство, которое по своим последствиям оказывает «...далеко идущее влияние и разрушает демократию, чрезвычайно неравные общест-

²⁰ Смит А. Теория нравственных чувств. – М. : Республика, 1997. – 352 с. – С. 150.

²¹ Шваб К. (основатель, исполнительный председатель Всемирного экономического форума). Мировая экономика в 2014 году: Мы вступаем в эпоху меньших ожиданий и больших неопределенностей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.project-syndicate.org/.../trends.../russian.

ва обладают более высоким уровнем алкогольной и наркотической зависимости, более высоким уровнем преступности, низким уровнем морали, более высоким уровнем подростковой беременности и более низким уровнем грамотности, чем страны с меньшим неравенством»²².

Контекст сформулированного выше утверждения о близости социализации к модернизации может и должен быть подвержен сомнению в той части, что любая ли его социализация может быть поставлена в один ряд с модернизацией. Например, можно ли считать сталинскую индустриализацию одновременно и социализацией? Далее, если государство должно модернизироваться в соответствии с запросами населения, то как это согласуется с тезисом относительно недостаточности социального капитала для осуществления модернизации? Примером этого служит тот факт, что социализация в современном трансформационном обществе в процессе формирования социально ориентированной рыночной экономики привела к тому, что общество понесло значительные социальные потери, а по сути рыночная трансформация оказалась не только социально не ориентированной или хотя бы нейтральной, но зачастую социально агрессивной моделью рынка, где присвоение, прибыль и богатство нередко достигали крайней степени, а значит, неслучайно то, что имеет место процесс даже присвоения государства не только путем примитивного разворовывания его ресурсов, но и обретения монопольного контроля как над большей частью ресурсов страны, так и над властными полномочиями с целью приумножения богатства и, как следствие, ужасающей дифференциации в уровне и образе жизни населения, вызывая его крайнее неудовольствие, что свидетельствует об иррациональности поведения субъектов рынка в трансформирующемся обществе с угрожающими последствиями для страны, о чем уже шла речь выше.

В то же время рациональное поведение индивида в условиях присутствия социального государства должно опираться на законы, нормы и традиции, а также обычаи, в основе формирования которых лежит все тот же разум, что является следствием использования накопленных знаний о прошлом, настоящем и даже прогностическом будущем в части не только получения научного знания о материальном мире, но и возможного изменения онтологической модели в будущем, поскольку последняя, основываясь «...на стремлении к минимизации рисков и абсолютизации неприкосновенности, на наших глазах превращается в свою полную противоположность»²³. Соответственно в этой части задача состоит в том, чтобы учредить формирование «...новой социальной онтологии (основывающуюся на социальной протестной активности. – В. Г.)...», посмотреть на нее отстраненно, как на мыслимый концепт, а не как непреложную ментальную реаль-

²² Graham Peebles. Inequality and the Inevitable Collapse: graham@thecreatetrust.org.

²³ Сергеев К. В. «О чем невозможно говорить...»: феномен «невывыказуемых требований» и современные риски в современном обществе // Полис. – 2013. – № 4. – С. 42.

ность. Не следует страшиться гула надвигающихся событий – о нем следует задуматься»²⁴. Если же не задуматься (с помощью разума) над будущей онтологией, то можно предположить, что нас ожидает отсутствие такого государства вообще или в отдельных его сферах, где основными выступают те нормы, которые выработаны на основе традиций и обычаев, а также опыта предыдущих поколений, что является результатом того же процесса накопления знаний, сформировавшего хорошее управление в случае использования нравственности и разума, ибо в противном случае оно перерастает в разного рода деспотизм, который постоянно меняет свой характер, и даже в либерализованной форме может достигать унормированной экспансии, реализующейся через директивы, регламенты, нормы и т. д., которые обязательны к выполнению, хорошо, если не насильственным путем. Последняя будет иметь в таком случае современную форму, которая может проявиться с любой стороны – либо личности, либо группы людей, либо государства и его институтов, в которых не отражены или слабо отражены обычаи, нравы, привычки и традиции, хотя они и более стойки к изменениям, так как сформировались в природной среде пребывания на основе накопленного знания и опыта.

Государство и его институты, попадая под влияние экономических группировок, обогащающихся, присваивая общественное, не имеют той степени влияния на процесс социализации, которая отвечала бы требованиям времени, а лишь усиливают протестную активность и агрессивность, что может привести к смене онтологической модели, о которой шла речь выше.

Механизмы обучения, то есть передачи знания через общественную систему поддержки традиций и путем как частных, так и государственных институтов образования, самовоспроизводятся. Тем самым человек социализируется²⁵ в современном его понимании благодаря развитию системы институтов и институциональных действий, традиций, привычек, обычаев, законов. Все это является результатом накопления знания, постоянно превращающегося из креативного в повседневное, что и дает человеку возможность социализироваться. Его же поведение приобретает характер модернизационного процесса как в экономическом, так и общественном отношении, где государство может и должно проявлять активность, демонстрируя нравственность в осуществлении своих функций, опираясь на знания, которые определяют и умственную деятельность, сохраняя и развивая индивидуальные и общественные национальные отличия. В свою очередь, это служит залогом национальной идентичности в непрерывно глобализи-

²⁴ Сергеев К. В. «О чем невозможно говорить...»: феномен «невывсказуемых требований» и современные риски в современном обществе // Полис. – 2013. – № 4. – С. 42.

²⁵ Геєць В. М. Інститути соціалізації в Україні та країнах ЄС: тенденції розвитку та ключові відмінності // Український соціум. – 2011. – № 2. – С. 7–34; № 3. – С. 7–34.

рующемся мире на началах прежде всего экономизации большинства сфер человеческого бытия и сохранения национальных социальных традиций.

Что касается государства, то нравственность в деятельности представляющих его людей и учреждений связана не только с защитой прав и свобод человека, что важно, но еще и с тем, что либерально-демократическая доктрина существования государства и организации деятельности экономических учреждений в условиях безнравственности в конце концов приводит к огромному расслоению среди людей. Это с одной стороны. С другой же, как пишет Вандана Шива, экономический рост, которого неудержимо желают экономисты, бизнесмены и политики, уничтожает жизнь²⁶. И это, как утверждает профессор М. Чоссудовский из Центра исследований глобализации в Монреале, не благодаря развитию реальной экономики, а благодаря официально оформленным воровству, манипуляциям и спекуляциям, позволяющим незаконно обогащаться богатым.

На пути решения воспроизводящегося противоречия между бедностью и богатством в моменте нравственности со стороны государства имеет место развитие «социального государства», понятие которого, согласно Лоренцо фон Штейну (середина XIX ст.), связано с идеологемой, согласно которой должны быть достигнуты равенство, свобода и вознесение обездоленных до уровня богатых и сильных, поскольку известная аксиома о добросовестных индивидах и институциональных субъектах рынка имеет ограниченную сферу применения в силу стойких склонностей к получению преимуществ для увеличения доходов и подъема благосостояния в условиях массовой несовершенной конкуренции рынков и иррациональности поведения рыночных субъектов, особенно в современных условиях, когда процессы транснационализации снижают уровень конкуренции и способствуют развитию монополизма. Индивидуализация поведения экономических субъектов в таких условиях приводит к разрушению взаимодействия нравственности и разума, а в случае отказа от социального государства будет заменена постулатом о выживании не только более сильного, что часто зависит от естественных способностей и несет в себе потенциал нравственности, но и более ловкого, что предполагает манипулирование и прямое воровство и уже имеет глобальные признаки отрицательного характера, усиливая социальную протестную активность, приводящую, как пишет в ранее упомянутой статье К. В. Сергеев, к возникновению мысли о необходимости внесудебного наказания виновных, что можно часто наблюдать в современности. В совокупности все это обусловило существующий кризис системного характера, в борьбе с которым не достигнуто больших успехов, поскольку, по мнению как М. Фабера, так и многих других, глобальная экономика сегодня хуже, чем в 2008 году²⁷. И, по словам Кристин Лагард на

²⁶ Vandana Shiva. How economic growth has become anti-life // The Gaurdian. – 2013. – 02.11.

²⁷ Фабер М. Глобальная экономика сегодня хуже, чем в 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smart-lab.ru/company/aforex/blog/150141.php>.

форуме в Давосе 2014 г., о подъеме мировой экономики говорить еще рано. Не исключено, что начало стабильного и длительного подъема откладывается на 30-е годы XXI ст., когда станут массово использоваться технологии прежде всего VI и VII технологических укладов с пока еще непонятными последствиями для современного социума, поскольку они, по нынешним оценкам, могут порождать немало бед, угрожающих существованию человека не только непонятными последствиями и «достижениями» в сфере социальных технологий будущего, но и коренными преобразованиями в психике. К этим вопросам мы еще вернемся несколько позже. Не исключено также, что «Карл Маркс и был прав, говоря, что по мере выравнивания капитализма кризисы будут все более разрушающими и что в последнем решающем кризисе произойдет окончательный крах, последствия которого будут настолько катастрофические, что подорвут самые основы нашего капиталистического общества»²⁸. Это особенно проявилось в отдельных странах с развивающимися рынками, где экономические агенты взаимодействуют в неравновесной системе координат, поэтому население часто не является приверженцем капитализма и не поддерживает его (см. табл. 1), хотя идеология трансформационных преобразований в странах бывшего соцлагеря исходила из того, что капиталистическая система хозяйствования наилучшая и «...одновременно передовой тип общественного (экономического, социального и одновременно политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования»²⁹ с одновременно формирующейся под этим влиянием не воплощенной в жизнь мечтой о достижении уровня жизни и характера общественных отношений свойственных обществу потребления развитых стран мира. В реальности результат оказался далеким от желаемого. Но главное в том, что, какими бы ни были успешными рыночные реформы в странах с трансформирующимися обществами, достижение уровня жизни, адекватного уровню развитых стран, невозможно, ибо естественных ресурсов планеты для этих целей в глобальном измерении и сегодня, и, тем более, завтра при нынешней, да и завтрашней, технологической парадигме явно недостаточно.

(Продолжение в следующем номере журнала)

Статья поступила в редакцию 27 мая 2014 г.

²⁸ Фабер М. Маркс, возможно, был прав. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mixednews.ru/archives/44105>.

²⁹ Гранин Ю. Меняем «бусы» на нефть // Свободная мысль. – 2014. – № 1. – С.190.